

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.1961](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961)

М. Л. Ни

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ КАК ЦЕПОЧКИ РИТУАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Правильная ссылка на статью:

Ни М. Л. Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Корее как цепочки ритуалов взаимодействия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 92—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961>.

For citation:

Ni M. L. (2022) Online Communities of Labor Migrants to Russia and South Korea as Interaction Ritual Chains. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 92–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961>. (In Russ.)

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ КАК ЦЕПОЧКИ РИТУАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ONLINE COMMUNITIES OF LABOR MIGRANTS TO RUSSIA AND SOUTH KOREA AS INTERACTION RITUAL CHAINS

*НИ Максим Леонидович — сотрудник Международной исследовательской лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: jintae@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7285-0237>*

*Maksim L. NI¹ — Researcher at the International Research Laboratory “Transnationalism and Migration Processes: Comparative and Institutional Analysis”
E-MAIL: jintae@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7285-0237>*

¹ Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье делается попытка переопределения термина «сообщество» применительно к исследованиям площадок группового общения транснациональных мигрантов в интернете. Сегодня платформы виртуальных социальных сетей позволяют создавать группы общения, объединяющие людей с общими интересами, но не обязательно знакомых друг с другом. В исследовательской литературе для анализа такого рода феноменов широкое распространение получило понятие «сообщество». Однако насколько такое решение является правомерным? Всегда ли онлайн-группы являются сообществами? Какие механизмы обеспечивают их активность? Для ответа на данные вопросы автор проводит концептуальный анализ различных антропологических и социологических моделей сообщества в контексте их приложения к онлайн-среде. На основании проведенного анализа формулируется определение сообщества как состояния максимальной солидаризации группы, возникающей в фокусированных коллективных ритуалах взаимодействия. В качестве теоретико-методологического основания статьи выступает теория ритуалов

Abstract. The paper attempts to redefine the term “community” concerning research on online interactions of transnational migrants. Today virtual social networks allow the creation of groups that unite people with common interests who may not necessarily be acquainted with each other. The metaphor of “community” is widely used in the research literature. However, is it valid when we study online phenomena? Are online groups communities? What are the mechanisms that ensure users’ activities? To answer these questions, the author conducts a conceptual analysis of anthropological and sociological theoretical models of community. As a result, the concept is defined as the condition of maximum group solidarization that occurs in focused collective interaction rituals. The theoretical and methodological foundation of the paper is the interaction ritual chains theory developed by Randall Collins. Successful rituals facilitate the production and/or reproduction of group identity symbols and emotional energy (i.e., readiness to engage in similar interactions). Chains of successful rituals are the key mechanism underlying sustainable group activity. The author

взаимодействия Рэндалла Коллинза, которая позволяет определить цепочки успешных ритуалов как ключевой механизм, лежащий в основе устойчивой групповой активности. Успешные ритуалы способствуют производству и/или воспроизводству символов идентичности группы и эмоциональной энергии (готовности вступать в схожие взаимодействия). Выработанный способ концептуализации применяется к исследованию двух русскоязычных Facebook-групп (деятельность социальной сети запрещена на территории РФ), объединяющих трудовых мигрантов из стран СНГ в Южной Корее и из стран Средней Азии в России. Проведенный анализ демонстрирует, что воспроизводство активности онлайн-групп в значительной степени опирается на эмоционально насыщенные символы, даже если основная часть сообщений сосредоточена вокруг сугубо инструментальных целей (таких как поиск вакансий). Тем не менее различия в культурном капитале могут препятствовать возникновению групповой солидарности, даже если участники номинально разделяют общие эмоции по отношению к одному и тому же объекту внимания.

Ключевые слова: онлайн-сообщества, трудовая миграция в России, трудовая миграция в Республике Корея, цепочки ритуалов взаимодействия, групповые символы

Благодарность. Мы благодарим Полину Антонову, Анастасию Бабикову, Елизавету Кучерову, Анастасию Лаптеву, Дарью Юдину, а также Наталью Трегубову за ценные комментарии к первым вариантам статьи и за помощь в сборе данных.

applies this conceptualization to the study of two Facebook groups of labor migrants from CIS countries in South Korea and from Central Asia in Russia. The analysis shows that the reproduction of online groups' activities is largely based on emotionally charged symbols, even if most messages are concentrated around purely instrumental goals (such as job search). At the same time, differences in cultural capital could prevent the emergence of group solidarity even if participants share common emotions towards the same object of attention.

Keywords: online communities, labor migration to Russia, labor migration to the Republic of Korea, interaction ritual chains, group symbols

Acknowledgments. We thank Polina Antonova, Anastasia Babikova, Elizaveta Kucherova, Anastasia Lapteva, Daria Yudina, and Natalya Tregubova for valuable comments on the first drafts of the paper and for their assistance in data collection.

Введение

Широкое распространение современных коммуникационных технологий привело к появлению принципиально новых способов организации социальной жизни людей, уезжающих работать за рубеж [Basch et al., 1995; Faist, 2004]. Трудовая миграция сегодня не означает автоматический разрыв отношений с домом. Относительно дешевая телефонная связь и международные системы электронных денежных переводов способствовали возникновению широких транснациональных сетей обмена, позволяющих координировать коллективные действия поверх границ национальных государств [Massey, 1993].

Вслед за развитием и распространением «традиционных» средств связи (почта, телефон, телеграф), все большую роль в повседневной жизни мигрантов начинает играть интернет. Удешевление доступа к глобальной сети, а также распространение гаджетов подталкивает людей с мигрантским опытом к освоению новых технологий. Так, Мирка Мадриану и Дэниэл Миллер указывают, что в ряде стран с высокой степенью зависимости от трансграничных денежных переводов наблюдается устойчивый рост спроса на услуги интернет-провайдеров, и, как следствие, расширяются репертуары сетевой коммуникации [Мадриану, Миллер, 2018].

Особый интерес в этом отношении представляют такие типы электронной коммуникации, в которых формат взаимодействия смещается с общения «один на один» (телефон или электронная почта) на «один ко множеству» или «все ко всем». Речь идет о таких медиа, как онлайн-форумы, группы в виртуальных социальных сетях, чаты в мессенджерах, которые объединяют людей, так или иначе имеющих отношение к миграционным процессам, но далеко не всегда знакомых друг с другом лично. Здесь пользователи свободно, без внешнего давления формальных институтов, вступают в коммуникацию. Этот факт, в свою очередь, вдохновляет исследователей видеть в таком формате общения цифровое воплощение классической идеи сообщества, противостоящего тенденциям атомизации социальной жизни [Bocagnani, Schrooten, 2018; Wilson, Peterson, 2002]. Однако здесь возникает вопрос: всякий ли тематический чат, форум или группа в Facebook^{*1}, посвященный тем или иным аспектам мигрантского, опыта является онлайн-сообществом? Какие механизмы лежат в основании сообщества, и скрепляют его?

В данной работе мы попытаемся ответить на поставленные вопросы, опираясь на теорию цепочек ритуалов взаимодействия (Interaction Ritual Chains — IRC) Рэндалла Коллинза [Collins, 2004]. Согласно теории IRC, ключ к сплоченности сообщества — это эмоционально насыщенные взаимодействия, сосредоточенные вокруг *групповых символов*. Интенсивность и качественные характеристики совместно переживаемых эмоций определяют стремление людей к общению и совместной деятельности. Следовательно, структура сообществ возникает вследствие эмоциональной динамики взаимодействия пользователей.

В первой части работы мы кратко рассмотрим существующие подходы к анализу онлайн-сообществ. Далее будут представлены основные положения теории цепочек ритуалов взаимодействия, а также концептуальные ходы, позволяющие применять теорию IRC к общению в интернете. В третьей части мы характери-

¹ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

зую методологию анализа эмоциональной динамики двух мигрантских онлайн-сообществ в социальной сети Facebook^{*}, посвященных трудовой миграции из СНГ в Южную Корею и из Средней Азии в Россию. В четвертой части будут выделены институциональные контексты для каждого кейса, а также структура коллективных символов, вокруг которых выстраиваются эмоционально насыщенные взаимодействия. В заключении мы суммируем результаты проделанной работы, а также обозначим векторы дальнейших исследований по данной проблематике.

Онлайн-сообщества как феномен и исследовательская проблема

Традиционно в социальных науках «сообщество» определяется как группа людей, объединенная плотными социальными связями и взаимодействиями, выраженной идентичностью и наличием строго определенной территории обитания [Park, 1952; Blackshaw, 2010]. Тенденции развития более рационализированных общественных отношений, построенных на институциональной интеграции, на протяжении долгого времени предопределяли отношение к сообществам, как к ускользающему объекту², разрушающемуся с приходом современности [Bauman, 2001]. Однако бурный расцвет интернет-коммуникации в начале 1990-х годов ознаменовал начало дискуссии о ревитализации сообществ в онлайн-среде.

Такие теоретики как Говард Рейнгольд, Дэвид Хаккен и Барри Уэллман указывают, что ресурсы интернета несут в себе серьезный потенциал для оспаривания существующих иерархических структур и построения коллективов, основанных на личном волеизъявлении [Hakken, 1999; Rheingold, 1993; Wellman, 2001]. Некоторые исследователи выдвигают тезис, что раз общества модерна уступают место обществам постмодерна, то новая замена для сообщества возникает именно в киберпространстве [Haythornthwaite, Wellman, 2001]. При этом, естественно, меняется «общее уравнение» сообщества. Из связки «территория — идентичность/культура — плотные связи и взаимодействия» исчезает фактор территории, что запускает дебаты о том, можно ли в принципе называть онлайн-группы сообществами.

Так, Дженнифер Бринкерхофф указывает, что, в отличие от традиционных сообществ, онлайн-группы не предъявляют жестких требований для включения и исключения за пределы своих границ [Brinkerhoff, 2009]. Иными словами, в интернете пропадает жесткость сборки коллектива, обязывающая индивидов к постоянной коммуникации и участию, а также появляется больше степеней свободы.

В свою очередь, Акхил Гупта и Джеймс Фергюсон [Gupta, Ferguson, 1997] считают, что исследователи чересчур концентрируются на «чистом» объекте «сообщества», тогда как на деле он может маскировать гетерогенность. Индивиды могут принадлежать ко многим сообществам, имеющим различную степень связанности. Одни существуют только в киберпространстве, другие, наоборот, являют собой продолжение отношений, начатых «в реальной жизни».

Вместе с тем Филипп Агре указывает, что если мы будем сосредотачивать внимание на различиях между онлайн-сообществами и группами взаимодействия

² Мелвин Веббер был одним из первых исследователей, отмечавших «разукрупнение сообществ». Согласно результатам его исследований, в начале 1960-х годов, американцы в меньшей степени тяготели к идентификации с конкретным местом проживания (территории), вместо этого привязываясь к «волонтерским» ассоциациям [Webber, 1963].

«лицом к лицу», то упустим из виду процессы, в которых люди используют экологию интернет-медиа для совместного размышления над значимыми для них вопросами [Agre, 1999]. В свою очередь, коллективное обсуждение значимых вопросов способствует возникновению самых важных параметров, отличающих сообщества: близких отношений; наличию целостности и групповых границ; регулярности взаимодействий [Wellman, Gulia, 1999].

Несмотря на приведенные аргументы в пользу оформления онлайн-сообществ в качестве самостоятельного объекта исследований, на наш взгляд, нерешенной остается проблема исходного механизма, скрепляющего группу людей в формате сетевых взаимодействий. К примеру, понятно, что обсуждение общих интересов порождает групповые границы и общую идентичность, но почему, при условии относительной свободы участия, в одних случаях люди остаются активными участниками сообществ, а в других — нет? Что удерживает людей вместе и определяет динамику взаимодействия в сообществах? Разбору теоретических аргументов для ответа на эти вопросы мы посвятим следующий раздел нашей статьи.

Сообщество как динамическая конструкция

Итак, онлайн-сообщества отличает, прежде всего, отсутствие привязки к конкретным территориям и свободный характер участия индивидов. Здесь можно бы обратиться к альтернативным вариантам концептуализации, для которых территория не имеет большого значения. К примеру, в работах Бенедикта Андерсона и Энтони Коэна [Андерсон, 2016; Cohen, 1985] сообщество представляется в большей степени когнитивной, символической конструкцией. Андерсон, привлекая широкий спектр исторических данных о процессах национального строительства показывает, что коллективная идентичность произрастает из культурных нарративов, обосновывающих единое происхождение, самосознание и символы группы. Нация в умах носителей общей идеи воспринимается как воображенное сообщество (*imagined community*)³ безусловно близких людей. Границы, пролегающие между разными солидарными группами, таким образом переходят из разряда географических в разряд метафизических. Коэн, в свою очередь, утверждает, что сообщество является не только результатом безусловной агентности субъектов, но и того, как устроены процессы воображаемого проведения границ, каковы обычаи, привычки, ритуалы и коммуникация в группе. Идентичность групп пластична и поддается процессам трансформации и масштабированию⁴.

Акцент на когнитивном измерении позволяет избавиться понятие сообщества от оков пространственной локализации и сосредоточиться на практиках производства воображаемого единства в онлайн-пространстве. Существуют исследования, убедительно демонстрирующие работу механизмов конструирования диаспоральной близости и гордости за страну [Brinkerhoff, 2009; Gündüz, Erdem, 2017], а также

³ Следует понимать, что несмотря на постулируемый объект исследования — процессы конструирования национальной идентичности — базовый принцип концепции применим к любым группам любого размера. Так, во введении к «Воображаемым сообществам» мэтр пишет: «На самом деле все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом „лицом к лицу“ (а может быть, даже и они)» [Андерсон, 2016: 48].

⁴ К примеру, Адам Браун демонстрирует, как воображенные сообщества футбольных болельщиков в Англии оперативно переключаются между локальной клубной идентичностью и идентичностью болельщика национальной сборной [Brown, 2008]. Границы в этом случае переопределяются за счет переключения фигуры «врага».

трансформации гражданской идентичности транснациональных мигрантов [Gius, 2019]. Однако, на наш взгляд, когнитивная трактовка не позволяет объяснить динамику расцвета и падения онлайн-сообществ. Подобного рода уязвимость концепций Андерсона и Коэна, как указывает Тони Блэкшоу, коренится в «первородном грехе реификации». Несмотря на тезис о вмененности (putitativness) идеи близости, конструктивисты мыслят сообщества как объекты, обладающие сильной онтологией [Blackshaw, 2010], хоть и сконструированные, но постоянно существующие в мире. Однако сложно себе представить, чтобы человек 24/7 воспринимал себя и действовал исключительно в модусе одной групповой принадлежности. Скорее можно говорить о том, что группы — это состояния или точки зрения на мир, помещенные в конкретные ситуации [Брубейкер, 2012]. Конфигурация элементов ситуации, в свою очередь, конституирует идентификацию индивидов с той или иной категорией и ее символами. Одна и та же групповая категория в одних контекстах может исполнять фоновую функцию для чисто утилитарных взаимодействий, а в других, наоборот, становится элементом, сплачивающим группу до состояния, когда люди действуют, ощущая безусловную близость и общую идентичность, то есть становятся полноценным сообществом [Юдин, Павлюткин, 2015: 95].

Таким образом, сообщество можно понимать в процессуальных терминах как состояние максимального сплочения группы. И здесь не хватает только одного, но самого важного элемента — механизма, позволяющего объяснить переходы из «фонового режима» к состоянию сообщества. На наш взгляд, такой объяснительный механизм можно отыскать, обращаясь к ресурсам микросоциологической теории цепочек ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза [Collins, 2004]. Основной фокус теории IRC сосредоточен на классической для социологии проблеме возникновения солидарности. Почему в одни периоды времени интеграция группы зашкаливает, а в другие — стремится к нулю, вплоть до ее распада? Для ответа на эти вопросы Коллинз опирается на теорию ритуалов позднего Эмиля Дюркгейма и ее микросоциологическую трансляцию, осуществленную Ирвином Гоффманом [Гоффман, 2009]. Согласно теории IRC, групповая солидарность производится посредством повседневных ритуалов, понятых в секуляризованном смысле, как любые формы повседневных социальных взаимодействий в группе от двух человек и более⁵. Коллинз различает успешные и неудавшиеся ритуалы. Успешный ритуал характеризует несколько факторов:

- 1) соприсутствие участников взаимодействия, отделенных групповой границей от остального мира;
- 2) наличие в структуре ситуации объекта, на котором фокусируется внимание участников;
- 3) общий культурный капитал, под которым понимается запас символических ресурсов, необходимых для взаимодействия. Таковыми могут выступать совокупность общих тем для разговора, культурные компетенции, выраженные в стиле общения, жестах, мимике [Collins, 1981];
- 4) общий эмоциональный настрой участников ритуала, направленный на объект общего внимания.

⁵ При этом степень фокусирования может различаться от слабой, вроде ритуалов приветствия и прощания, до сильной, вроде политических дебатов.

При наличии данных компонентов возникает эффект интерференции общего эмоционального настроения и концентрации на объекте, что в своем апогее приводит к возникновению эффекта «коллективного бурления» (collective effervescence). Участники взаимодействия синхронизируют речевые и поведенческие паттерны [Collins, 2004], что ведет к нескольким следствиям. Во-первых, усиливается ощущение общности опыта (совпадение культурного капитала). Во-вторых, появляются групповые символы, по отношению к которым возникают стандарты групповой морали. Нарушение стандартов групповой морали ведет к применению санкций. Эмоциональная интерференция способствует возникновению специфического ресурса — эмоциональной энергии (ЕЕ), под которой подразумевается готовность индивидов к вступлению в сходные виды взаимодействий. ЕЕ распределяется между участниками ритуальных взаимодействий и накапливается в коллективных символах. Наконец, самый важный момент — коллективные символы, репрезентирующие идентичность группы, нуждаются в перезарядке. В противном случае солидаризация постепенно сходит на нет⁶.

Таким образом, сообщество может не иметь привязки к строго определенной территории, но существует в границах успешных коллективных фокусированных взаимодействий. Успешные коллективные взаимодействия генерируют эмоциональную энергию, перераспределяющуюся среди участников, а также производят или воспроизводят эмоционально заряженные групповые символы, по отношению к которым существуют жесткие стандарты коллективной морали. Под эмоциональной энергией (ЕЕ) подразумевается стремление вступать в схожие типы взаимодействий. Эмоциональная энергия имеет ключевое значение как для солидаризации сообщества, так и для поддержания целостности группы в целом. С другой стороны, эмоционально насыщенные ритуальные взаимодействия приводят к повышению уровня ЕЕ, стимулируют проявление спонтанной активности, не обусловленной чисто инструментальными интересами.

Важно отметить, что в исходном виде теория IRC проводит четкую границу между взаимодействиями «лицом к лицу» и при использовании электронных медиа [Collins, 2004]. Как указывает Коллинз, успех ритуалов опирается на полноту сенсорных ощущений: люди воспринимают эмоции благодаря зрительному считыванию мимики и движений тела собеседников; улавливанию изменений в тембре голоса и т. п. Естественно, что опосредованная коммуникация снижает диапазон сенсорного охвата. В меньшей степени это относится к видеосвязи, позволяющей улавливать мимику, жесты и голос. Наибольший скепсис вызывает использование текстовой коммуникации.

Однако группа исследователей во главе с Полом ДиМаджио [Dimaggio et al., 2019] выдвинула предположение, что механизмы IRC могут сохранять свою значимость и в формате текстовой коммуникации. Для обоснования своих суждений авторы обращаются к концепции речевых жанров Михаила Бахтина [Бахтин, 1996]. Так, обмен текстовыми сообщениями в онлайн-среде формирует особый формат использования языка — речевые жанры. Речевые жанры подразумевают конвенционально закрепленные содержание, стиль и композиционную структуру,

⁶ Схожие мотивы мы можем обнаружить у Британского антрополога Виктора Тернера, утверждающего, что кочевые союзы нуждаются в периодических сборах для поддержания общей групповой идентичности [Turner, 1973].

дифференцирующиеся и укрепляющиеся по мере развития конкретной сферы языковой деятельности. ДиМаджио и его коллеги утверждает, что такие жанровые инновации, как хештеги, смайлики, кнопки «мне нравится», аббревиатуры, специфические термины увеличивают объем информации, особенно эмоциональной, которую может передать онлайн-высказывание. Кроме того, эти стилизации делают онлайн-группы непрозрачными для посторонних, что способствует ситуативному очерчиванию групповых границ. Таким образом, концепция речевых жанров позволяет перейти от универсальной теоретической модели ИСТ к эмпирическому анализу многообразия текстовой коммуникации в интернете.

Другой важный момент, обосновывающий возможность использования теории IRC в онлайн-среде, — утверждение интерактивности речевых жанров. Бахтин подчеркивает, что любое понимание речи, будь это вокализация или текст, носит активно-ответный характер. Иными словами, на уровне базовой структуры чтение мало чем отличается от общения «лицом к лицу». Следовательно, различные формы обмена текстовыми сообщениями в рамках интернет-площадок можно интерпретировать как ритуалы взаимодействия, успех которых будет регулироваться теми же факторами, что общение «лицом к лицу» [Dimaggio et al., 2019].

Онлайн-группы трудовых мигрантов в социальных сетях

Как было отмечено во введении, транснациональная миграция характеризуется новыми формами взаимодействия между мигрантами, значительная часть из которых происходит онлайн. Транснационализм не только обеспечивает существующие родственные и дружеские связи новыми средствами онлайн-коммуникации, но и приводит к возникновению новых типов онлайн-сообществ, объединяющих людей, не знакомых вне сети Интернет [Schrooten, 2012; Тимошкин, 2019]. Именно потому анализ мигрантских групп представляется особенно перспективным для исследования онлайн-сообществ.

Эмпирическим источником нашего интереса к теме стали данные, полученные в ходе полевой работы⁷, проведенной автором статьи в среде трудовых мигрантов из стран СНГ в Южной Корее. Оказалось, что существенной частью повседневной жизни информантов является использование разнообразных онлайн-площадок для группового общения в Facebook*. В основном все они посвящены поиску работы и обмену полезной информацией. Также выяснилось, что в той же социальной сети существует активное русскоязычное сообщество, посвященное трудовой миграции из Средней Азии в Россию, имеющее, однако серьезные отличия в тематической направленности от известных нам «корейских групп». Здесь коммуникация сосредоточена на правовой защите рабочих из СНГ. И в том, и в другом случае в глаза бросается тот факт, что при общей прагматической тематизации сообщения в группах часто выходят за пределы простого обмена информацией и, кроме того, часто носят выраженный эмоциональный характер.

Исходя из изложенных выше наблюдений, мы сформулировали базовый исследовательский вопрос: что удерживает пользователей мигрантских онлайн-площадок вместе и обуславливает их активность? Ориентируясь на теорию IRC,

⁷ Трехмесячное включенное наблюдение (с февраля по начало мая 2019 г.) в двух городах Республики Корея: Ансан и Чонсу.

была сформирована рабочая гипотеза: *длительная активность онлайн-площадок обеспечивается за счет серий успешных ритуалов взаимодействия, генерирующих эмоционально насыщенные символы групповой принадлежности, которые обеспечивают солидаризацию участников в сообщество с общей идентичностью.*

Для эмпирического анализа мы выбрали одну из самых больших русскоязычных групп, посвященных поиску работы для низкоквалифицированных мигрантов в Южной Корее, и площадку для правовой поддержки рабочих из Средней Азии в России. Ключевыми словами для поисковых запросов послужили: «Южная Корея, работа, миграция, мигранты» для кейса южнокорейской миграции, и: «СНГ, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, миграция, мигранты, работа в России» для кейса миграции из Средней Азии в Россию.

Далее мы провели серию качественных онлайн-наблюдений в каждой группе. Используемая в настоящей работе методология анализа опирается на разработки Пола ДиМаджио и соавторов по адаптации теории IRC для анализа онлайн-взаимодействий [Dimaggio et al., 2019]. В качестве базовых единиц наблюдения принимается сообщение (пост) в группе, рассматривающийся как стартовая точка ритуала взаимодействия, и набор комментариев (тред), разворачивающихся под ним. Иными словами, мы рассматриваем общение в онлайн-группах в формате «пост — комментарии к посту» в качестве отдельного речевого жанра.

В структуре сообщений выделяются:

1) Объект фокусирования общего внимания. В Facebook*-группах ими выступает тема поста. Темы могут меняться внутри треда.

2) Культурный капитал, под которым понимается наличный запас общего знания и стилистика сообщений.

3) Количественные характеристики вовлеченности в ситуацию взаимодействия: число комментариев под постом и число эмоциональных реакций — «лайков», демонстрирующие обобщенный уровень внимания.

4) Качественные характеристики эмоциональной вовлеченности в ситуацию взаимодействия. То есть различные эмоциональные реакции, возникающие по отношению к объекту общего внимания. Эмоции могут считываться в виде прямого дискурсивного выражения (например, «...как радостно, что есть такие вот люди!»); использования экспрессивного стиля речи и средств, подчеркивающих эмоциональную реакцию (например, использование обценной лексики).

5) Развитие взаимодействия определяется через длину треда и устойчивость тематизации⁸.

Были собраны все посты и комментарии, появляющиеся в группах с апреля по октябрь 2019 г. (глубина погружения в архив групп 6 месяцев). Кроме того, для каждой из групп был осуществлен дополнительный сбор данных, охватывающий период в шесть месяцев, начиная от даты создания. Эта процедура была необходима для фиксации возможных смещений в тематическом наполнении и верификации обнаруженных поведенческих паттернов. Кроме того, анализ кейса миграции в Южную Корею мы дополнили материалами, полученными в ходе полевой работы.

⁸ Если в комментариях возникают новые темы, то обычно возникает альтернативный тред и его мы анализируем отдельно.

Наконец, необходимо написать об этической стороне исследования. Мы не получали официальное разрешение на использование материалов, публикуемых в группах, и не оповещали администрацию и пользователей о своих намерениях, что было обусловлено высокой вероятностью отказа от опубликования полученных данных [Markham, 2013]. Миграционные процессы — достаточно чувствительное поле, более того, в Facebook*-группах, посвященных миграции из СНГ в Южную Корею, часто обсуждаются вопросы, связанные с повседневными практиками недокументированных мигрантов. В свете приведенных опасений было решено обезопасить «информантов» путем анонимизации названий групп и имен пользователей в иллюстрирующих примерах.

*Кейс 1. Транснациональный СНГ в корейском Facebook**

Вплоть до середины 1980-х годов крайне сложно было помыслить южную часть Корейского полуострова как место, привлекательное для трудовой миграции. Ситуация была прямо противоположной: так, с 1960 по 1970-е годы более двух миллионов корейских граждан находились на заработках за границей [Тен, 2009]. Однако в тот же самый период начинается активный процесс переориентирования экономики страны с аграрного на технологический экспорт [Chang, 2011], что способствовало стремительному росту благосостояния и снижению уровня безработицы. Крупномасштабные изменения в структуре производства, а также параллельные процессы депопуляции привели к тому, что с 1960-х годов Республика Корея начинает процессы трансформации из страны-донора [Kim, 1987] в страну-реципиента мигрантских потоков. Общая численность проживающих в государстве мигрантов в 1993 г. составляла менее 200 тыс. человек, однако в 2012 г. она возросла до более 1 млн 400 тыс. человек [Lee, 2015], из них 589 тыс. (42 %) составляют трудовые мигранты, в основном из Китая, Вьетнама, Малайзии, а также, в последние семь лет, из Узбекистана.

На сегодняшний день можно выделить три основных потока низкоквалифицированной трудовой миграции из стран СНГ в Южную Корею. Во-первых, это граждане республики Узбекистан, имеющие право на получение трудовой визы типа Н-2⁹. Во-вторых, это «советские корейцы» имеющие гражданство одной из стран СНГ. Они подпадают под категорию «зарубежные этнические корейцы» (overseas koreans) и могут претендовать на получение визы типа F-4¹⁰. И в-третьих, это неопределенный по размеру кластер недокументированных трудовых мигрантов, прежде всего граждан России и Казахстана, активно прибывающих в страну после установления с обозначенными государствами безвизового режима в 2014 г.

Большинство трудовых мигрантов из СНГ в Южной Корее плохо знает корейский язык. Несмотря на то, что для получения трудовой визы на данный момент требуется сдать экзамен TOPIK, его программы явно недостаточно для свободного общения с работодателем. В связи с этим наиболее популярный способ поиска

⁹ Соглашение о квотном наборе граждан Узбекистана на работу в Южной Корее действует с 2004 г.

¹⁰ Виза F-4 выдается лицам, предоставившим документальное подтверждение наличия у них прямых родственников «корейской национальности» вплоть до четвертого поколения. В отличие от визы Н-2, данный документ дает возможность свободной смены места работы, а также де-юре открывает перспективы для получения гражданства [Lim, Song, 2021].

работы как среди легализованных, так и среди недокументированных трудовых мигрантов — обращение к платным услугам посредников (чаще всего русскоязычных мигрантов, имеющих большой опыт проживания в стране)¹¹. Контакты посредников легче всего найти в группах-агрегаторах вакансий в социальной сети Facebook¹².

Для нашего анализа мы выбрали одну из самых популярных русскоязычных мигрантских групп, посвященных поиску работу в Южной Корее, насчитывающей более 60 тыс. пользователей (на октябрь 2019 г.). Средний показатель публикационной активности — 5 постов за день. Первое сообщение в группе отправлено в мае 2016 г.

Две наиболее часто встречающиеся темы сообщений — собственно вакансии и просьбы о помощи. Типичная схема объявления включает в себя описание работы, город или местность, размер заработной платы, требования по наличию или отсутствию трудовой визы, условия проживания (не всегда), размер гонорара посредника и контактные данные.

*Вакансия на работу на завод по производству корабельных разоров в городе *. Требования: 3 мужчин, виза F4 или N2, до 50 лет. График: пятидневка с 8:00 до 19:30. Оплата составляет 105 тысяч за длинный день и 80 тысяч за короткий. Предоставляется бесплатное общежитие и трехразовое питание. Номер для связи: *****¹³.*

Чаще всего, сообщения о вакансиях не вызывают эмоционально насыщенных реакций и характеризуются низкой степенью коллективной вовлеченности. В среднем под такими постами появляется не больше трех лайков и трех комментариев. Это могут быть уточняющие вопросы об условиях выплаты заработных плат, оптимальном маршруте до места работы и т. п. То есть по большей части это инструментальная коммуникация, создающая незначительные перераспределения эмоциональной энергии.

Иногда под сообщениями о вакансиях появляются комментарии с просьбами разъяснить непонятную для неопитов корейскую терминологию. Например, возникнуть могут вопросы о том, кто такой саджан¹⁴ или что такое самуциль¹⁵. Ответы поступают достаточно быстро и без ярко выраженной эмоциональной окраски. Исключение здесь, пожалуй, составляют случаи, когда в обсуждении кто-нибудь упоминает так называемую «золотую визу».

Комментатор 1: «А с золотой визой возьмете?»

Комментатор 2: «а золотая — это как? ты же вроде русский, скажи, как получил?»

¹¹ Обращение к услугам посредника — это наиболее популярный способ поиска работы уже на территории Южной Кореи. В России и Казахстане желающий гарантированно получить рабочее место может обратиться в полулегальные фирмы, поставляющие недокументированных рабочих непосредственному заказчику.

¹² Группы, посвященные поиску работы в Южной Корее, есть и в российской сети «ВКонтакте», однако на Facebook[®] их несравнимо больше.

¹³ Грамматика, орфография и пунктуация «информантов» представлены в исходном виде.

¹⁴ Саджан — бригадир.

¹⁵ Самуциль — подрядная организация, занимающаяся наймом рабочих на поденную или постоянную работу.

*Комментатор 3: «золотая — лучшая! это когда тебе вообще по***»*

Комментатор 4: «с золотой до талого надо сидеть»

В теории IRC такого рода взаимодействия определяются как статусные ритуалы, при которых индивиды с меньшим запасом культурного капитала обращаются за помощью к более опытным визави [Collins, 2004]. Здесь общий фокус внимания сосредоточен на понятии «золотой визы». Неофит, по всей видимости, недокументированный мигрант, полагает, что «золотая виза» — это какой-то неизвестный ему вариант легализации, и стремится разузнать о ней побольше. В то же время два других комментатора знают: «золотая виза» означает, что у человека закончился срок пребывания в стране по безвизовому режиму и в случае выезда домой ему в паспорт поставят штамп, запрещающий въезд в Южную Корею на срок от 5 до 10 лет. Обладание этим знанием наделяет их особым статусом в ситуативной иерархии и, следовательно, они получают от взаимодействия больше эмоциональной энергии. Эта незначительная, на первый взгляд, деталь, является одним из значимых групповых символов, составляющих стихийный мигрантский фольклор. Шутки про «золотую визу» — относятся к числу самых популярных в общении мигрантов из СНГ «лицом к лицу».

Гораздо более эмоционально насыщенными, интенсивными и распространенными являются ситуации взаимодействия, в которых возникает фигура нечистого на руку посредника. В одних случаях посредник может яростно критиковаться за то, что отправляет людей на сверхтяжелую работу с относительно низкой оплатой.

Исходный пост:

*Требуются парни и девушки на острове ***** в семьи!! Парням оклад 2 млн, девушкам 1,8 млн! Жилье и питание бесплатно! новый самуиль, работаем с адекватными саджанами! Пишите на What's up, Viber ***** на комменты не отвечаю!*

Обсуждение:

Комментатор 1: «в долларах сколько?»

Автор поста: «Примерно 1,500»

*Комментатор 2: «Ху*** это все»*

Комментатор 2: «Кидала там все»

Автор поста: «Если тебя кинули не значит что кидаю всех»

Комментатор 3 в ответ предыдущее сообщение: «а что выборочно.»

Комментатор 4: «Работал я у седого. Чмошник он и баба его. Парни, там ловить нечего»

В других случаях предъявляются обвинения в явном мошенничестве. Среди опытных мигрантов распространено негласное правило: гонорар посреднику выплачивается после первой выплаты заработной платы. В наиболее ярких случаях тред под исходным сообщением разрастается до 30 комментариев и до 200 лайков.

Фокусирование коллективного внимания на фигуре мошенника трансформирует ее в мощный символ солидаризации, заряженной эмоцией праведного гнева.

В ситуациях обсуждения мошенников обнаруживается предельная близость опыта трудовых мигрантов. Даже настроения новичков быстро вступают с резонанс с общими настроениями и высказывают негодование по поводу мошенников.

Мошенники как коллективный символ постоянно «перезаряжаются» в цепочках ритуалов взаимодействия. Нечестным посредникам в Южной Корее посвящаются отдельные группы и чаты в интернет-мессенджерах. Более того, ряд наших информантов, вернувшихся на родину, отмечает, что они постепенно перестают следить за объявлениями о вакансиях в группах, отписываются от рассылок в WhatsApp, но продолжают следить за обновлениями о мошенниках, что свидетельствует о предельной эмоциональной заряженности символа.

Второе место по распространенности в группе занимают сообщения с просьбами о помощи. Здесь можно выделить средние по интенсивности коллективной реакции сообщения с вопросами о том, где найти тот или иной корейский аналог лекарств, распространенных в СНГ, или как попасть на бесплатный прием в медицинские учреждения. То есть, это статусные ритуалы с низкой степенью эмоциональной динамики.

Значимое исключение — сообщения, в которых описываются травмы или тяжелые заболевания, полученные во время работы в Южной Корее. Такие посты собирают множество комментариев с выражением сочувствия (в среднем 34 сообщения) или предложениями о помощи. Тема искаленного во время работы в другой стране здоровья не случайно появляется именно на рассматриваемой онлайн-площадке. Авторы сообщения здесь надеются на понимание и эмоциональную поддержку, основанную на общности культурного капитала, создающего границу между мигрантами и не-мигрантами. Пользователи онлайн-групп могут исследовать эмоциональные аспекты своего положения совместно с сообществом людей, которые лучше всего могут понять их уникальную ситуацию [Jasper, 2014].

В целом мы можем утверждать, что ядро солидаризации данной группы сосредоточено не столько вокруг прагматической функции поиска работы, сколько вокруг ритуальных взаимодействий, генерирующих коллективные символы «нечестного посредника», «тяжелых заболеваний, полученных во время работы за рубежом» и некоторых элементов мигрантского фольклора. При обсуждении данных тем наблюдается насыщенная эмоциональная динамика, выкристаллизовывается коллективная идентичность. Эмоционально насыщенные символы привязывают людей к группам, обуславливают их долго не угасающее желание следить за происходящим, даже если они уже формально не являются мигрантами. Именно поэтому данную группу можно назвать сообществом.

Кейс 2. Facebook-сообщество по защите прав трудовых мигрантов в России*

Избранная нами онлайн-группа для российского кейса отличается гораздо меньшим количеством участников (8 тыс. пользователей), но более насыщенной динамикой публикации сообщений (не менее 15 постов в день). Первый пост опубликован в феврале 2017 г. Декларируемые цели группы — осуществление правозащитных инициатив в области трудовой миграции в Россию и повышение правовой грамотности мигрантов. Большая часть сообщений публикуется основателем группы, дипломированным юристом в области миграционного права.

Правовое измерение трудовой миграции в Россию, в отличие от южнокорейского контекста, отличается рядом факторов, ставящих низкоквалифицированных рабочих из Средней Азии в крайне уязвимое положение. Так, подать комплект документов для получения разрешения на работу и патента можно в течение 30 дней после прибытия в страну. Однако получение документов осложняется крайней степенью загруженности учреждений по вопросам миграции и рядом бюрократических проволочек¹⁶, в связи с чем возникает рынок фирм-посредников, предлагающих за отдельную плату ускорить получение патента, а иногда оказать помощь в поиске работы [Лисицын, 2017]. Услуги фирм-посредников в России легализованы и представляют собой хорошо различимую на формальном уровне инфраструктуру¹⁷. Трудовым мигрантам гораздо сложнее получить регистрацию по месту жительства. У подавляющего большинства адреса регистрации и фактического проживания не совпадают [Письменная, 2018]. Перечисленные факторы связаны с высоким уровнем денежных затрат, что обуславливает риски перехода в разряд недокументированных мигрантов. Это в свою очередь делает мигрантов постоянной мишенью для проверок, облав и несанкционированного насилия со стороны правоохранительных органов [Agadjanian, Menjivar, Zotova, 2017; Олимова, 2014]. В представленном контексте тематический вектор группы резонирует с актуальными проблемами среднеазиатских мигрантов, что позволяет предполагать высокую степень солидаризации в комментариях.

Собранные в ходе анализа посты распределяются по четырем наиболее распространенным темам:

- дискриминация мигрантов;
- грубое нарушение прав мигрантов;
- совершение мигрантами общественно одобряемых поступков;
- совершение мигрантами общественно порицаемых поступков.

Кроме того, в группе публикуются легальные вакансии для трудовых мигрантов, однако частота их появления и интенсивность реакций со стороны пользователей относительно низки.

Наиболее интенсивные по степени коллективного вовлечения и эмоциональной насыщенности (в среднем 40 комментариев) — сообщения, в которых появляется информация о грубом нарушении прав мигрантов и различных случаях этнической и классовой дискриминации. Так, в одном из постов участница группы опубликовала видео о том, как в США во время поездки в автобусе белая женщина среднего возраста возмущается тем, что двое молодых людей из Юго-Восточной Азии разговаривают на родном языке в общественном транспорте. Другие пассажиры критикуют ее за ущемление прав и упрекают в расизме. В 10 из 12 комментариев пользователи находят параллели с Россией.

¹⁶ В этом плане особо примечательна работа Мадлен Ривз, концептуализирующая очередь в российских учреждениях по вопросам миграции как «пустое время» (по аналогии с не-местами у Марка Оже), отнимающее у мигрантов силы и драгоценное время, необходимые для поиска работы и, собственно, заработка [Reeves, 2020].

¹⁷ Патент на работу: оформить самостоятельно или через миграционный центр. Информация миграционного форума УФМС по Санкт-Петербургу URL: <https://ufms.spb.ru/patent-na-rabotu-oformit-samostoyatelno-ili-cherez-migracionnyj-centr/> (дата обращения: 26.06.2022).

Комментатор 1: Мы в РФ к этому привыкли, хотя я ни разу не встречался с такими людьми. Меня сразу предупредили, при присутствии русских разговаривай на русском и все

Комментатор 2: Значит тебе еще не попался расист могут и по страшнее угрожать физической расправой или типа не нравится мы тебя незвпли вали домой

Комментатор 1 в ответ на реплику: надеюсь не столкнусь с такими, в моем окружении все прекрасные люди

Комментатор 3: Проклятие росисти.....

Комментатор 4: РФ никак не привыкнут этому

Комментатор 5: Прямо пародия на мигрантов в ближнем зарубежье, косплей))))

Комментатор 6: мигранка из России 😊😊😊

Комментатор 7: Он не америкос наверно русский

Комментатор 8: Наверное русская мигрантка

Комментатор 9: Не давно, вот буквально 2 дня назад такое произошло и со мной. Я ответила просто по телефону на Ассалому алайкум- Вaleyкум Ассалом. И началось. Дошло до того, что я вызвала полицию. (никогда по телефону громко в транспорте не разговаривала, веду себя очень спокойно). Было обидно, что за меня никто не заступился, и не заткнул пьяное существо, которое требовало от меня говорить по-русски. Берегите себя, те, которые отвечают на Ассалому алайкум- Вaleyкум Ассалом. Никак не поймут, что Россия многонациональная страна, и в единстве сила.

Комментатор 10: Да она просто невежда китайцы обязаны на нее подать в суд ей внятно там объяснять где она находится...

Первый комментатор упоминает, что для «нас» (трудовых мигрантов из Средней Азии) — общение на родном языке является фактором, способным вызвать гнев со стороны местных жителей («русских»). Здесь можно различить базовую эмоцию негодования («Проклятие росисти.....»), а также коллективный символ в лице дискриминируемых трудовых мигрантов. В данном случае релевантные моральные предписания, наблюдаемые во взаимодействиях, можно сформулировать следующим образом: «нельзя сомневаться в том, что дискриминация мигрантов в России существует». Об этом свидетельствует короткий эпизод взаимодействия, в самом начале треда, где один из пользователей упоминает, что сам он ни разу не встречался с притеснениями. Ему отвечают, что автору просто повезло не встретиться с жестокой реальностью притеснений. Остальные комментаторы также различным образом выражают мысль о том, что данное видео коррелирует с их опытом («Наверное русская мигрантка»; «Прямо пародия на мигрантов в ближнем зарубежье, косплей))))» и т. д.).

Интересно, что в приведенном примере коммуникация не имеет ярко выраженной эмоциональной окраски. Дискриминация по этническому признаку воспринимается как неотъемлемая, но рутинизированная и неизбежная часть мигрантской идентификации, по отношению к которой ничего нельзя поделать.

Представленный выше тезис хорошо иллюстрируется следующим примером. Один из первых постов в группе был посвящен трудностям, с которыми сталкивается мигрант при оформлении патентов на трудоустройство. Завязалась дискуссия, в ходе которой комментатор описывал все больше фактов нарушений прав трудовых мигрантов, в то время как администратор призывал к активным действиям по борь-

бе за свои права, подкрепляя свои доводы успешными случаями из юридической практики. Спустя семь комментариев дискуссия завершилась в следующем ключе:

Комментатор: Если кто-то и напишет заявление, то будут расследовать тот единичный случай остальные ест-венно вряд ли напишут... К сожалению, мигранты не способны такими законными способами защищать себя.

Администратор: глупость это! Если мигрант напишет заявление — тогда преступника, который вымогает у него деньги, поймают, и следующих мигрантов он уже не обманет. Если мигрант НЕ напишет заявление — он не только вынужден будет сам отдавать деньги, но и не защитит своего брата, жену, друга, которые тоже вынуждены будут платить тому же самому посреднику

Комментатор: Что именно глупость по вашему? Один из этих посредников, проходит как обвиняемый по двум эпизодам по коррупционному делу в УВМ Иваново, давал взятку инспектору УВМ, которая сидит вместе еще с двумя другими посредниками в Сизо с начала года, ходит он по подписке о не выезде, но все равно продолжает свою посредническую работу. В Российском законодательстве только заявлением и словами ничего не докажешь, если нет видеозаписей передачи денег или прослушка телефонных разговоров...

Администратор: ...В сентябре 2016 года мы добились изменения приказа по МВД № 403, разрешавшего полиции (не только сотрудникам управлений по вопросам миграции) составлять протоколы по миграционным нарушениям и задерживать мигрантов для проверки миграционного статуса. Вот ЧЕГО мы добились с помощью заявлений. А чего добились Вы с помощью жалобных слухов, которыми Вы обмениваетесь с друзьями

Комментатор: А мне нахрена все это? Если мигрант как раб готовь все это вытерпеть? Я выложил факт по этой теме, и все.

Приведенный отрывок взаимодействия представляет собой пример неудачного ритуала взаимодействия. Кажется, что все условия соблюдены. Есть объект, на котором фокусируется внимание участников. Присутствует общая эмоция возмущения нарушением прав мигрантов. Однако присутствует асимметрия культурного капитала. Для администратора группы факт нарушения прав связывается не только с моральным порицанием, но и с необходимостью активно бороться за свои права. В то же время, сами мигранты и другие участники группы расценивают нарушения и притеснения в процедуре оформления документов как неприятный факт жизни, по отношению к которому можно испытывать негативные эмоции, но нельзя ничего сделать своими силами. Таким образом, в контексте данной ситуации блокируется возможность общей идентификации.

Еще более интенсивно моральные границы, обрамляющие фигуру «дискриминируемого мигранта», высвечиваются в тот момент, когда в коммуникации возникают суждения, оправдывающие дискриминацию. Для иллюстрации приведем следующее сообщение:

Почему такая дискриминация в России? Что ей-им не хватает? Ведь по ихням законам запрещено дискриминация, а на деле сами страшно нарушают права человека на каждом шагу.

Всего под постом был оставлен 71 комментарий. Ключевым драйвером, запустившим активное обсуждение под исходным сообщением, послужила следующая реплика:

МЫ ТАДЖИКИ САМИ ВИНОВАТЫ ВО ВСЕМ. ВО-ПЕРВЫХ, В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ УСТАВОМ НЕ ВХОДЯТ. ВО-ВТОРЫХ, ТАДЖИКИ НЕ МОГУТ ВЕСТИ СЕБЯ НОРМАЛЬНО ДАЖЕ МЕЖДУ СОБОЙ. ПОДСТАВЛЯЮТ ДРУГ ДРУГА, ДЕРУТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ. НАУЧИТЕСЬ УВАЖАТЬ СЕБЯ, ТОГДА И ДРУГИЕ БУДУТ УВАЖАТЬ ВАС. НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ СВОЮ НЕВОСПИТАННОСТЬ. ЕСТЕСТВЕННО ЭТО КАСАЕТСЯ НЕ ВСЕ. МНОГИ ЖИВУТ ТАМ ПО 10, 15 ЛЕТ. ПОЧЕМУ У НИХ НЕТ ПРОБЛЕМ В ОТНОШЕНИИ С ДРУГИМИ НАЦИЯМИ?

Такое «самобичевание» встречает активный отпор как рядовых пользователей группы, так и администратора. Моральные санкции со стороны администрации и рядовых участников группы выстроены в логике отрицания тезиса о делинквентности мигрантов, подкрепленное сравнением поведения «местных жителей» и полиции.

Администратор группы: я живу здесь 13 лет, и у меня ПОЛНО проблем с нацистами! Таджики виноваты ровно в том, что они — НЕ синеглазые блондины, которых не трогают российские полиция. Во всем остальном виноваты конкретные люди. Дерутся НЕ ВСЕ таджики, и НЕ ТОЛЬКО таджики — русские дерутся не меньше. Невоспитанность свою русские показывают чаще, чем какие бы то ни было другие — потому что их статистически больше.

А права человека и уважение к закону — это НЕ «свой устав в чужом монастыре»! Наоборот, нарушение прав человека и неуважение к закону — это «чужой устав» в «монастыре» всего человечества, и оправдывать такое — ПОЗОР!

Комментатор: ...Знаете вечно нас оставляют мусара для проверки документов как мы стали немножко похожи уже третий месяц нас никто не останавливает ...

Комментатор: у меня нет слов. Спасибо.

Интерференция сходных по смыслу высказываний, в конечном итоге, ведет к возникновению символа «дискриминируемого мигранта», о чем свидетельствуют формальные индикаторы вовлеченности. Так, исходный пост с критикой трудовых мигрантов из Таджикистана собрал всего 29 лайков, в то время как пост администратора с контраргументом — 52 лайка и 26 одобрительных комментариев в отдельной ветви сообщений. Возникновение эмоционального бурления здесь сопряжено с посягательством на сакральный статус фигуры «дискриминируемого мигранта».

«Охранительная стратегия» сохранения и перезарядки сакрального символа остается главенствующей и в тех случаях, когда в группе публикуются материалы о правонарушениях со стороны мигрантов. Пользователи стараются либо указать на то, что преступники — это исключение из общего тренда, либо найти альтернативные объяснения.

... вот такие уроды позорят нацию!

Может его подставили? Такое часто бывает

Это вполне может быть фейком для разжигания анти-мигрантских настроений в обществе, которое и без того в зомбированном состоянии по отношению к «чужим». А, вы тут, легковеры, упражняетесь в самобичевании

Сообщения, описывающие случаи общественно порицаемого поведения, отличаются гораздо большей степенью вовлеченности (до 200 комментариев и до 70 лайков) в отличие от сообщений о «хороших» поступках (до 30 комментариев и до 60 лайков). Можно сделать вывод, что перезарядка коллективного символа наиболее интенсивно происходит в ситуациях оспаривания моральных границ.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что в отличие от южнокорейского кейса в группе, посвященной правозащитной деятельности, ядро солидаризации высвечивается гораздо более интенсивно. Здесь практически отсутствуют фоновые, утилитарные взаимодействия. Практически в каждом сообщении генерируется хорошо различимый коллективный символ «дискриминируемого мигранта». Однако, что удивительно, ритуальные взаимодействия не всегда завершаются успехом. Причиной тому служит разница в наличном культурном капитале. Для администратора группы, имеющего за плечами обширный опыт юридической практики, релевантным образом действия является активизация правовой субъектной мигрантов, в то время как для самих мигрантов нарушения и дискриминация представляются неизменным порядком вещей. Таким образом, возникает барьер для солидаризации. Администратор остается по одну сторону групповой границы, а мигранты по другую.

Заключение

В данной работе мы попытались выработать теоретическую рамку, пригодную для анализа новых форм групповой коммуникации мигрантов, возникающих в интернет-среде. Особенности современных площадок онлайн-общения вроде Facebook* ставят под вопрос применимость прямого переноса традиционных понятий социальных наук, таких как «сообщество», в сетевое пространство. Именно поэтому мы определяем сообщество не как жесткую форму социальной организации, отсылающую к территории или к воображению, а как одно из возможных состояний группы, характеризующееся максимальным уровнем солидаризации и осознанием общей идентичности.

Ресурсы теории цепочек ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза позволили выделить механизмы, объясняющие возникновение коллективных символов, способствующих воспроизведению группы и ответственных за ее дезинтеграцию.

В настоящей статье мы продемонстрировали плодотворность выработанного подхода на примере анализа онлайн-групп, посвященных трудовой миграции из стран СНГ в Южную Корею и из Среднеазиатских республик в Россию. Результаты эмпирического исследования показывают, что даже если номинальной целью функционирования группы является предельно инструментальные практики вроде обмена вакансиями, ее устойчивость и воспроизводимость во многом опираются на эмоционально насыщенные символы, вырабатываемые и перезаряжаемые в ходе цепочек успешных ритуалов взаимодействия. Вместе с тем, как показывает анализ кейса Facebook*-группы, посвященной защите прав тру-

довых мигрантов в России, даже если в основе взаимодействия в группе лежат темы, имеющие эмоционально окрашенное значение для ее участников, различия в культурном капитале могут препятствовать образованию общей идентичности сообщества.

Список литературы (References)

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Anderson B. (2016) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996.

Bakhtin M. M. (1996) *Collected Works in 5 Vols. V. 5. Works of the 1940s—early 1960s*. Moscow: Russkii slovari. (In Russ.)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) *Ethnicity Without Groups*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Гоффман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.

Goffman I. (2009) *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Лисицын П. П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 12. 2017. № 1. С. 54—70.

Lisitsyn P. P. (2017) *Main and Additional Participants of The Second Stage of The Migration Process: Channels of Communication*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12*. No. 3. P. 54—70. (In Russ.)

Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. No. 1. С. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>.

Madianou M., Miller D. (2018) *Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication*. Transl. from Eng. A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>. (In Russ.)

Олимова С. Проблемы адаптации таджикских мигрантов в России: отношение к дискриминации и стратегии ответа // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Academia. 2014. С. 138—162.

Olimova S. (2014) *Adoptation Issues of Tajik Migrants in Russia: Attitude Towards Discrimination and Response Strategy*. In: Mukomel V. I. (eds.) *Migrants, Migrantophobia and Migration Policy*. Moscow: Academia. P. 138—162. (In Russ.)

Письменная Е. Е. Социология миграции и адаптации. М.: Издательство Финансового университета при правительстве РФ, 2018.

Pis'mennaya E.E. (2018) *Sociology of Migration and Adaptation*. Moscow: Publishing House of the Financial University under the Government of the Russian Federation. (In Russ.)

Тен М. Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Известия корееведения в Центральной Азии. 2009. № 8. С. 61—77.

Ten M. D. (2009) *Labour Migration of Uzbekistan Koreans to Korean Republic*. *Newsletter of Korean Studies in Central Asia*. No. 8. P. 61—77. (In Russ.)

Тимошкин Д. О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях. На примере сети «ВКонтакте» // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 53—73.

Timoshkin D. O. (2019) *Trust vs Disorientation: Economy of the Russian-Speaking "Migrant" Groups in Social Media. The Case of VKontakte*. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 5. P. 53—73.

Юдин Г. Б., Павлюткин И. В. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2015. Т. 7. № 3. С. 88—105. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567> (дата обращения: 26.06.2022)/

Yudin G., Pavlytkin I. (2015) *Community as a Given Versus Community as a Process: Strategies for Studying Small Towns*. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 7. No. 3. P. 88—105. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567> (accessed: 26.06.2022). (In Russ.)

Agadjanian V., Menjivar C., Zotova N. (2017) *Legality, Racialization, and Immigrants' Experience of Ethnoracial Harassment in Russia*. *Social Problems*. 2017. Vol. 64. No. 4. P. 558—576. <https://doi.org/10.1093/socpro/spw042>.

Agre P. E. (1999) *Life After Cyberspace*. *EASST Review*. Vol. 18. No. 3. P. 3—5.

Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton. C. (1995) *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. New York, NY: Gordon and Breach.

Bauman Z. (2001) *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Polity Press.

Boccagni P., Schrooten M. (2018) *Participant Observation in Migration Studies: An Overview and Some Emerging Issues*. In: R. Zapata-Barrero, E. Yalz (eds.) *Qualitative Research in European Migration Studies*. Champaign, IL: Springer. P. 209—225. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_12.

Brinkerhoff J. M. (2009) *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. Cambridge, New York, NY: Cambridge University Press.

Brown A. (2008) "Our Club, Our Rules": Fan Communities at FC United of Manchester. *Soccer and Society: Special Issue: Football in the Global Context*. Vol. 9. No. 3. P. 346—358. <https://doi.org/10.1080/14660970802008967>.

- Blackshaw T. (2010) *Key Concepts in Community Studies*. Los Angeles, CA: SAGE.
- Chang K.-S. (2011) The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization. *British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3. P. 444—464. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2010.01321.x>.
- Cohen A. P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Tavistock.
- Collins R. (1981) On the Microfoundations of Macrosociology. *The American Journal of Sociology*. Vol. 86. No. 5. P. 984—1014. <https://doi.org/10.2307%2F1389095>.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dimaggio P., Bernier C., Heckscher C., Mimno D. (2019) Interaction Ritual Threads: Does Irc Theory Apply Online? In: Weininger E.B, Lareau A., Lizardo O. (eds.) *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. New York, NY; Abingdon: Routledge. P. 99—142.
- Faist T. (2004) The Transnational Turn in Migration Research: Perspectives for the Study of Politics and Polity. In: Frykman M. P. (ed.) *Transnational Spaces: Disciplinary Perspectives*. Malmö: Malmö University Press. P. 11—45.
- Gius C. (2019) Online Communities as Points of Observation of the Transnational Migrant Career: A Case Study on Italian Immigrants in Toronto. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 11. P. 2634—2649. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1684247>.
- Grundmann M., Osterloh F. (2020) Rethinking Sociological Perspectives on Community and Commonality: Contours of Micro-Sociological Community Research. In: Jansen B. (ed.) *Rethinking Community through Transdisciplinary Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 31—47. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31073-8_2.
- Gündüz U., Erdem B. K. (2017) The Concept of Virtual Nationalism in the Digital Age: Social Media Perspectives of Turkey. *Communication Today*. Vol. 8. No. 2. P. 18—28.
- Gupta A, Ferguson J. (1997) Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology. In: Gupta A., Ferguson J. (eds.) *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press. P. 1—46.
- Hakken D. (1999) *Cyborgs@Cyberspace? An Ethnographer Looks to the Future*. London: Routledge.
- Haythornthwaite, C., Wellman, B. (2001) The Internet in Everyday Life. *American Behavioral Scientist*. Vol. 45. No. 3. P. 363—382. <https://doi.org/10.1177%2F00027640121957240>.
- Jasper J. M. (2014). Constructing Indignation: Anger Dynamics in Protest Movements. *Emotion Review*. Vol. 6. No. 3. P. 208—213. <https://doi.org/10.1177%2F1754073914522863>.
- Kim I. (1987) Korea and East Asia: Remigration Factors and U. S. Immigration Policy. In: Fracett J., Carino B. (eds.) *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*. Staten Island, NY: Center for Migration Studies. P. 327—346.

Lee HK. (2015) An Overview of International Migration to South Korea. In: Castles, S., Ozkul, D., Cubas, M.A. (eds.) *Social Transformation and Migration. Migration, Diasporas and Citizenship Series*. Palgrave Macmillan, London. P. 81—96. https://doi.org/10.1057/9781137474957_6

Lim T. C., Song C. (2021) Ideas, Discourse, and the Microfoundations of South Korea's Diasporic Engagement: Explaining the Institutional Embrace of Ethnic Koreans Since the 1990s *International Journal of Korean History*. Vol. 2. No. 26. P. 41—82. <https://doi.org/10.22372/ijkh.2021.26.2.41>

Markham A. (2013) Fieldwork in Social Media: What Would Malinowski Do? *Qualitative Communication Research*. Vol. 2. No. 4. P. 434—446. <https://doi.org/10.1525/qcr.2013.2.4.434>

Massey D. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466.

Park R. E. (1952) The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. In: Park R. E. (eds.) *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe: Free Press. P. 165—177.

Reeves M. (2020) The Queue: Distributed Legality, Bureaucratic Time and Waiting-Work in Migrant Moscow. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*. Vol. 44. No. 2. P. 20—39. <https://doi.org/10.30676/jfas.v44i2.77733>.

Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Massachusetts, MA: Addison-Wesley.

Schrooten M. (2012) Moving Ethnography Online: Researching Brazilian Migrants' Online Togetherness. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 35. No. 10. P. 1794—1809. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.659271>.

Turner V. W. (1973) The Center Out There: Pilgrim's Goal. *History of Religions*. Vol. 12. No. 3. P. 191—230.

Webber M. (1963) Order in Diversity: Community Without Propinquity. In: Wingo L. (eds.) *Cities and Space: The Future Use of Urban Land*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. P. 23—56.

Wellman B. (2001) Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 25. No. 2. P. 227—252 <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00309>.

Wellman B, Gulia M. 1999. Virtual Communities as Communities: Net Surfers Don't Ride Alone. In: Kollock P, Smith M. (eds.) *Communities in Cyberspace*. London; New York, NY: Routledge. P. 167—195.

Wilson S., Peterson L. (2002) The Anthropology of Online Communities. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 31. P. 449—467. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085436>.